

## XII

### В СВЯЗКЕ С ЛЕНИНЫМ

На пороге двадцатого века перед марксистским движением возникла угроза утраты динамизма движения, характерного для второй половины девяностых годов. Попытка создания единой партии на съезде 1898 года не получила развития в последующие годы. Силы, которые можно было использовать для расширения влияния социал-демократии на рабочее движение, отвлекались на идеологическую борьбу фракций интеллигенции. Гражданская война внутри социал-демократического движения препятствовала возможности в полной мере использовать растущие признаки недовольства в России. Социал-демократов, в последние несколько лет практически не имевших соперников, стали сильно теснить либералы и социалисты-революционеры, что делало положение еще более тревожным.

Ответом российской социал-демократии на этот вызов явилось издание «Искры» и «Зари», органов, вокруг которых сосредоточились основные события в движении с 1900 года вплоть до начала революции 1905 года. «Искра»<sup>\*</sup> явилась замечательной попыткой группы интеллектуалов, объединившихся в редакции для осуществления идеологического и организационного руководства российским рабочим движением. Плеханов и его давние сотрудники были тесно связаны с этим изданием, однако сомнительно, чтобы они могли бы начать и вести его совершенно самостоятельно. Их судьбы на некоторое время переплелись с судьбами группы талантливых молодых марксистов, возникшей в России в середине девяностых годов. Именно они, Ленин, Мартов, Потресов и Струве, сдвинули движение в России с мертвой точки. Они помогли пионерам марксизма, влияние которых ранее было косвенным и непостоянным, сделать их личный вклад более весомым.

Если прорыв в движении в середине девяностых годов был во многом обусловлен успешным сотрудничеством молодежи в России и

---

<sup>\*</sup> Далее «Искра» будет часто употребляться в качестве сокращенного обозначения обоих органов вместе.

их наставников, находившихся в эмиграции, то идеологический кризис последующих лет частично объясняется перерывом в этом сотрудничестве. С арестом Ленина, Мартова и Потресова ушло руководство, ориентировавшее движение на решение политических задач, а лидерство удалось захватить «экономистам». Тогда же Струве перешел с позиций революционного марксизма к ревизионизму. Лишившись главных своих сторонников в России, «освобожденцы» пережили целый ряд поражений и неудач. Их объединение для контратаки, когда оно наконец состоялось, безусловно, произошло под влиянием инициатив Ленина, Потресова и Мартова (последний был в числе подписавших ленинский «Протест»). Их возвращение из ссылки почти совпало с выходом плехановского «*Vademecum'a*». Вскоре им суждено было объединиться с пионерами марксизма для работы в редакции «Искры» и «Зари». Возобновление сотрудничества стало мощным стимулом для активизации социал-демократического движения.

Еще в Сибири Ленин с живейшим интересом следил за идеологической борьбой. Мартову и Потресову, общность взглядов с которыми проявилась в переписке, он предлагал «тройственный союз» «для борьбы с ревизионизмом и „экономизмом“». Ленин настаивал на том, что «этот союз прежде всего должен соединить свои силы с „Группой освобождения труда“»<sup>1</sup>. В статье, написанной для подпольной газеты, он изложил свой план<sup>2</sup>. В качестве действенного первого шага к осуществлению намеченных им грандиозных планов Ленин предлагал основать периодическое издание социал-демократии, которое поведет непримиримую борьбу с «экономизмом» и таким образом обеспечит победу ортодоксального марксизма. Когда будет создана прочная идеологическая основа, можно будет объединить разрозненные социал-демократические организации в единую партию. Таков, первоначально, был организационный план создания газеты «Искра». В него входило слияние «тройки» (Ленин, Мартов и Потресов) с Группой «Освобождение Труда» для создания всероссийской социал-демократической газеты, призванной искоренить «экономизм» и организационно подготовить объединение в партию.

Но прежде чем этот план стал претворяться в жизнь, «Искра» чуть не угасла из-за столкновений, произошедших во время встречи Плеханова и Ленина в конце августа 1900 года. Захватывающий рассказ Ленина об этом эпизоде, написанный почти непосредственно по следам происшествия, но опубликованный лишь посмертно, привлек значительное внимание<sup>3</sup>. Однако невозможно понять его настоящее значе-

ние вне связи с предшествующими и последующими событиями. Большинство авторов, воспринимая замечания Ленина более или менее не критически, не сумели увидеть, что это была не столько личная ссора, сколько один из первых примеров разногласий относительно природы партии — границ расхождений во взглядах ее членов, допустимых в пределах единой организации, и ее позиции по отношению к другим партиям.

В течение нескольких месяцев после возвращения из ссылки члены «тройки» занимались переговорами и организацией предстоящего издания. Ленин и его единомышленники с изумлением узнали, что имеют весьма несовершенное представление о положении в движении. Ожидая увидеть «экономистов» везде и всюду на коне, а себя самих в тени, они обнаружили, что пользуются среди групп действующих в России, большим доверием, чем даже Группа «Освобождение Труда»<sup>4</sup>. Обещания поддержки сыпались отовсюду, и в России, и за рубежом. Во время встреч с Засулич, которая тайно посетила Петербург в начале 1900 года, «тройка» заручилась, как она считала, одобрением группы «Освобождение Труда»<sup>5</sup>. Затем, весной, к «тройке» обратились представители СРСД, прибывшие в Россию, чтобы попытаться организовать второй съезд партии. Эти делегаты «Союза» утверждали, что диктаторские замашки Плеханова и Аксельрода, а не принципиальные разногласия вызвали раскол в эмиграции, чем и обезоружили недавно вернувшихся из ссылки, и, в общем, согласных с их планами созыва съезда. Они не только признали необходимость партийного единства, которое должен укрепить партийный орган, но охотно уступили редакторство «тройке», не скрывавшей своих симпатий к Плеханову. Несомненно, Ленин посчитал, что разногласия среди социал-демократов, в сущности, сильно преувеличены. Немного больше терпимости и гибкости, чем у Группы «Освобождение Труда», и ему, и его союзникам удастся навести мосты между враждующими фракциями и содействовать сплочению партии.

Одновременно велись также переговоры с «легальными марксистами», Струве и Туган-Барановским, которые, как и члены «Союза», казалось, готовы были признать «тройку» в качестве партийного центра<sup>6</sup>. Ленин отлично знал, что эти люди связаны с Бернштейном и критиковали ряд принципов марксизма. И при этом они утверждали, что близки к социал-демократам. Возможно, Ленин, и питая на этот счет некоторые сомнения, верил в искренность их стремления к борьбе за политическую свободу. Понимая, что оба имеют возможности обеспе-

читать «Искре» необходимую финансовую поддержку, он готов был принять их как полезных союзников и пойти ради этой поддержки на определенные уступки.

Случилось так, что полицейские облавы помешали завершению переговоров Ленина с представителями «Союза». Тогда «тройка» решила отложить предложения «Союза» и начать издание за границей независимого органа в сотрудничестве с Группой «Освобождение Труда» и при поддержке группы Струве. Однако беседы с представителями «Союза» и «легальными марксистами» оставили свой след. Ленинский проект издательской политики «Искры» имел удивительно примиренческий тон<sup>7</sup>. Он содержал критику ревизионизма, а также «Кредо» и «Рабочей мысли», но при этом в нем не упоминались ни слово «экономизм», ни орган «Союза» «Рабочее дело», ни Струве. «Сохранение преемственности движения, объединение его, — писал Ленин, — отнюдь не исключают разнообразия». Он признавал, что есть пределы допустимого, но утверждал, что еще невозможно определить глубину расхождений среди социал-демократов; он, во всяком случае, еще надеется, что можно закрыть эту брешь и работать вместе. В духе поразительной терпимости он заявлял: «...мы отнюдь не намерены выдавать всех частностей своих взглядов за взгляды всех русских социал-демократов, отнюдь не намерены отрицать существующих разногласий, затухивать или оттирать их. Напротив, мы хотим сделать наши органы — органами ОБСУЖДЕНИЯ всех вопросов всеми русскими социал-демократами со взглядами самых различных оттенков»<sup>8</sup>. Более того, в проекте даже предусматривалось, что «Искра», как орган «общей демократии», откроет свои страницы для всех угнетенных существующей политической системой.

Взяв с собой этот проект, Ленин отправился за границу в конце июля 1900 года. (Потресов выехал до него, а Мартов оставался в России до следующей весны.) В короткий промежуток между отъездом из России и первыми встречами с Плехановым и его сотрудниками Ленин имел возможность больше узнать о борьбе в эмиграции. Информация, которую он сообщал своей жене, безошибочно указывает на то, что он прочел «Vademecum» и что, по его мнению, Группа абсолютно права: «...совершенно неверное представление о „Vademecum“е“ господствует в России под влиянием рассказов сторонников „Рабочего Дела“. Послушать их, — это сплошной натиск на личности и т. п., сплошное генеральство и раздувание пустяков из-за оплевания личностей, сплошное употребление „недопустимых“ приемов etc [et cetera — и так

далее — лат.]. А на деле в этой вещи ПРЕОБЛАДАЕТ, в громадной степени преобладает ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ сторона, и нападки на личности — лишь придаток...

Именно с точки зрения „экономизма“ вели молодые систематическую, упорную и нечестную борьбу против Группы „Освобождение Труда“ в течение 1898-го года, — „нечестную“ потому, что они не выставили ОТКРЫТО своего знамени, что они огульно взвалили все на „Россию“... что они пользовались своими связями и своими практическими ресурсами для того, чтобы оттирать Группу „Освобождение Труда“... Эта борьба против Группы „Освобождение Труда“, это оттирание ее велось втихомолку, под сурдинкой, „частным“ образом, посредством „частных писем“ и „частных“ разговоров, — говоря просто и прямо: посредством ИНТРИГ, потому что вопрос о роли Группы „Освобождение Труда“ в русской социал-демократии никогда не был, никогда не будет и никогда не может быть ЧАСТНЫМ делом... Маленькое замечание редакции „Рабочего Дела“ в связи с помещением этой редакцией статей Г. И-на с полной ясностью показало КОРЕННОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ДВУМЯ ПОНИМАНИЯМИ БЛИЖАЙШИХ ЗАДАЧ И НАСУЩНЕЙШИХ ТРЕБОВАНИЙ РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. Первое понимание можно выразить словами *laissez faire, laissez passer* [предоставьте делу идти своим порядком — фр.] по отношению к „экономизму“, это — ... тактика ... свободной критики марксизма со стороны всяческих прямых и переодетых идеологов буржуазии\*. Другое понимание требовало решительной борьбы против „экономизма“, открытого протеста против угрожающего отношения и сужения марксизма, бесповоротного разрыва с буржуазной „критикой“<sup>9</sup>.

Едва ли можно представить себе более горячее проявление преданности Группе «Освобождение Труда» и, конечно, Плеханову, ее

\* У В. И. Ленина эта мысль звучит следующим образом: «Первое понимание можно выразить словами *laissez faire, laissez passer* [предоставьте делу идти своим порядком — фр.] по отношению к „экономизму“, это тактика примирительного отношения к нему, тактика прикрывания „крайностей“ экономизма, тактика защиты экономизма от прямой борьбы против него, тактика „свободной критики“, т. е. свободной критики марксизма со стороны всяческих прямых и переодетых идеологов буржуазии. Другое понимание требовало решительной борьбы против экономизма, открытого протеста против угрожающего отношения и сужения марксизма, бесповоротного разрыва с буржуазной „критикой“» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 37). — Прим. ред.

вдохновителю. Однако Ленин, очевидно, не видел необходимости, несмотря на это, изменять проект заявления редакции. Он оставался верен духу гибкости, поисков согласия и как следствие, — широты движения, терпимости к внутренним различиям, даже значительным. Организационное единство на широкой основе явно было для него важнее, нежели идеологическое единодушие. Он желал одновременно служить посредником между соперничающими фракциями и стоять на стороне одной из них. О том, что это — непосильная ноша, он узнал при встрече с Плехановым.

Их беседы в конце августа должны были определить организационные формы связи «тройки» и Группы «Освобождение Труда». Ленин не ожидал затруднений в решении, на его взгляд, чисто технической проблемы. Еще менее он был готов к тому «оскорбительному» моральному испытанию, которое он впоследствии описал с таким чувством. По его словам, поведение Плеханова было достойно порицания и создавало невыносимую атмосферу. Он пренебрежительно отнесся к ленинской компетентности в литературе, произносил угрозы и невозможные требования и проявил полное отсутствие внимания к чувствам и способностям молодого человека. Он то высокомерно отходил от беседы; то высказывал неясные угрозы оставить политическую деятельность; а через минуту прибегал к уловкам, чтобы добиться для себя господствующего положения в редакции. Ленин был невероятно поражен «открытием» таких «отталкивающих качеств» в человеке, к которому более всех иных испытывал «искреннее уважение и почтение». Это впечатление было столь велико, что он сумел его выразить лишь на языке любви. Он испытывал чувство «влюбленности» в Плеханова; был так «ослеплен», что закрывал глаза на несовершенства его натуры. Плеханов же, не вняв бескорыстной любви и безграничной преданности, «бесцеремонно отодвинул» младшего товарища. Во время переговоров он проявил себя как человек «именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний». При этом открытии возмущение наше «было бесконечно велико: идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами»... Это был «целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу». В этот момент похоже было, что «Искра» «погасла».

В ленинском описании этого столкновения показан упрямый, эгоистичный и властолюбивый человек, который возмутительным обра-

зом унижает и всячески использует молодого товарища, пришедшего к нему с почтением и преданностью. Тщеславия у Плеханова было достаточно, и вполне возможно, что он почувствовал себя оскорбленным тем, что великий план социал-демократии составлен другими и представлен ему уже как свершившийся факт. Возможно, он считал самонадеянностью со стороны «тройки» претендовать на равенство в новом деле с членами Группы «Освобождение Труда». Прежде пионеры марксизма никогда не оказывались в таком положении. Возможно, Плеханов почувствовал в Ленине серьезного соперника в борьбе за лидерство в движении и мог вести себя с ним снисходительно, а то и хуже. Когда Плеханов хотел, мало кто мог сравниться с ним в умении быть неприятным. Он был не только мастером язвительных замечаний, но и, по незабвенному выражению Троцкого, «*maître de toutes les nuances de froideur*» [обладал способностью выразить все оттенки холодности — фр.]<sup>10</sup>.

При этом не «отталкивающие» качества личности Плеханова, а принципиальные различия необходимо считать основным источником конфликта. Хотя Плеханов действительно в то время находился в чрезвычайно раздражительном и подозрительном настроении, состояние его нельзя рассматривать вне связи с вызвавшими его обстоятельствами. Публикация «*Vademecum'a*» в марте 1900 года вызвала бурю возмущения против «отца российского марксизма». В следующем месяце съезд СРСД стал ареной острого обмена мнениями, который закончился выходом проплехановской фракции из «Союза». В мае это меньшинство конституировалось в Русский Социал-Демократический Союз «Социал-демократ», словно для того, чтобы словесно вытеснить своих противников из революционной социал-демократии. Потом пошли бесконечные взаимные обвинения. Обе группы боролись за типографию, которой до этого пользовались вместе, и члены группы «Освобождение Труда» подозревали своих недругов в использовании их каналов связи для контактов с Россией с целью изоляции и очернения ветеранов<sup>11</sup>. Не следует забывать и о том, что тогда полным ходом шла кампания Плеханова против ревизионизма. Все выглядело так, словно он и маленькая группа его сторонников практически остались в одиночестве, представляя собой последний оплот против надвигающейся волны оппортунизма.

Отчаянная борьба за дело, которому Плеханов посвятил всю жизнь, делала его непримиримым, как никогда. В феврале того же года он писал Аксельроду: «Но в качестве члена группы „Освобожде-

ние Труда» ТЫ НЕПОГРЕШИМ И ОШИБАТЬСЯ НЕ ДОЛЖЕН И НЕ МОЖЕШЬ (ты знаешь, что я начинаю склоняться к якобинству)<sup>12</sup>. Фактически, в 1900 году и в течение ряда лет после этого, Плеханов был по духу именно якобинцем. Как одно из основных последствий его длительной и ожесточенной борьбы с ревизионизмом и «экономизмом», чрезвычайно усилилась его тенденция к якобинству, всегда составлявшая часть его мировоззрения. Более чем когда-либо, он склонен был объявлять священным писанием взгляды свои собственные и товарищей, его поддерживавших. Не может быть никаких компромиссов, чем бы они не обосновывались, с теми, кто объективно подрывает истинную веру и преследуемые ею цели. Их можно только предавать анафеме, изгонять и строго отделять от «чистых» и «верных», как бы мало последних не оказывалось. Таковы были настроения человека, к которому пришел Ленин со своим проектом «наведения мостов».

Первые абзацы собственного повествования Ленина показывают, что враждебность усилилась из-за неудовлетворенности старшего товарища проектом заявления Ленина<sup>13</sup>. В сердцах он назвал его «оппортунистским» документом. Плеханов объявил войну ревизионизму не на жизнь, а на смерть. По его мнению, разрыв с «экономизмом» был неизбежен. И вот Ленин имел дерзость предложить быть терпеливым, возможность примирения и даже участие Плеханова в издании, которое предоставляет свои страницы его заклятым врагам!<sup>14</sup> То, что Ленин мог думать о союзе с оппортунистами, вызывало у него подозрения в оппортунизме Ленина. В то время Плеханов, действительно, был более, чем якобинец; если и не вполне большевик, то во всяком случае более, чем будущий основатель большевизма. При этих обстоятельствах он чуть не порвал с Лениным, потому что тот казался ему недостаточно «твердым» в отношении других групп и фракций.

«Искра» не была погашена. В последний момент оказалось возможным найти способ осуществления издательских планов. Условия ясно показывают, что Плеханов одержал серьезную победу. Еще раз, как и во всех прошлых совместных работах с молодежью, Группе удалось обеспечить себе особое положение. Было решено, что все шестеро — «тройка» и триумвират Группы «Освобождение Труда» — совместно составят редакционную коллегию «Искры», но Плеханову было предоставлено два голоса. И в случае разногласий между Груп-

<sup>12</sup> Касаясь этого события много лет спустя, Плеханов указывал, что заставил Ленина и Потресова «выбирать между мною и Струве» (Плеханов Г. В. Соч. Т. 19, С. 93).

пой и другими редакторами, газета обязана полностью напечатать особое мнение Группы или любого из несогласных с таким решением членов редакции<sup>14</sup>. Редактирование второго издания — теоретического и философского журнала под заглавием «Заря» — практически было оставлено за Плехановым.

Гораздо важнее этих организационных мероприятий была победа взглядов Плеханова в сфере будущей политики издания. Исправленный вариант редакционного обращения, который и был опубликован, оказался гораздо более бескомпромиссным, нежели первый<sup>15</sup>. В нем не было ни слова о достоинствах различий во мнениях; напротив, было заявлено, что для того, чтобы «создать и упрочить объединение партии... необходимо выработать во-первых, прочное идейное объединение, исключющее... разногласицу». А чтобы не было никаких сомнений относительно идей, о которых идет речь, в документе перечислились в качестве недругов все те, кому Плеханов ранее объявил войну: «экономисты», «Рабочее дело», «легальные марксисты» и Струве. По поводу последнего в заявлении говорилось: «...мы ...решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду С ЛЕГКОЙ РУКИ Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других». Новые издания отнюдь не являлись «простым складом разнообразных воззрений», но должны были осуществляться «в духе строго определенного направления». Это, кроме всего прочего, означало, что материал, вышедший из-под пера не социалистов в области социальных наук, но «всех, кого гнетет и давит современный политический строй», будет приниматься и, с помощью примечаний редактора, представляться в «истинном», т. е. социал-демократическом свете. Направленность новых изданий кратко определялась в следующих выражениях: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»<sup>16</sup>.

При всем моральном унижении, которое Ленин испытал в ходе этого столкновения, он получил бесценный политический урок. Его заставили понять «абсурдность» попыток примирить непримиримое, создать широкое движение, которое будет включать в себя направления разных оттенков, выдержанное в духе строгой ортодоксальности. Он был вынужден сделать выбор и выбрал ортодоксальность, и с тех пор поиск организационных форм для ее защиты занимал важное место в его политической жизни. Плеханов повел Ленина влево, и после этой тяжелой встречи никто уже не мог упрекнуть его в мягкос-

ти. Проведение «демаркационных линий» стало у Ленина настоящей манией. Он настолько хорошо усвоил уроки, данные Плехановым, что вскоре ученик превзошел учителя. Уже несколько лет спустя после встречи 1900 года они поменяются местами.

Для того, чтобы свести к минимуму возможность новых конфликтов с Плехановым, все остальные решили, что центром издания «Искры», которым должен руководить Ленин, будет Мюнхен, а не Женева. Однако напряженность скоро ослабла, и некоторое время царили более товарищеские отношения. Без сомнения, влияние Аксельрода и Засулич, огорченных разладом между коллегами, помогло переубедить Плеханова. Более того, добившись того, чего он желал, Плеханов мог позволить себе великодушие. Но, вероятно, важнее всего было то, что подозрительное отношение Плеханова к Ленину скоро уступило место доверию и уважению, когда он увидел, сколь деловитым, надежным и умелым оказался его новый соратник. Первые два номера «Искры» вышли в свет с быстротой, достойной восхищения, и успешно прошли критический экзамен Плеханова. Аксельроду Плеханов писал в начале 1901 года: «Что Петров [В. И. Ленин] славный малый, я в этом и прежде не сомневался, а после поездки в М[юнхен] и еще того менее. Жаль только, что чисто административная работа мешает ему много читать и писать. Впрочем, второй № „Искры“ все-таки ОЧЕНЬ ХОРОШ. Я с большим удовольствием читаю его»<sup>17</sup>.

Ленин писал о том, что научился всегда «держат камень за пазухой»<sup>18</sup>, но на Плеханова он не таил зла. Даже много лет спустя, когда их политический союз распался безвозвратно и они стали заклятыми врагами, он всегда живо интересовался взглядами прежнего наставника по всем вопросам. Он был так почтителен и с такой готовностью находил оправдания «ересям» старшего коллеги, что товарищи в шутку упрекали его в том, что он влюблен в Плеханова<sup>19</sup>. За год, прошедший с момента столкновения, уважение Ленина к проникательности Плеханова восстановилось и, возможно, возросло. Непосредственные контакты с русскими ревизионистами и «экономистами» подтвердили правильность позиции Плеханова, опровергнув его собственную.

Отношение участников новых изданий к Струве и его сторонникам более всех других вопросов служило предметом столкновений между Лениным и Плехановым. Опубликованное заявление о редакционной политике «Искры» продемонстрировало нежелание взаимодействовать с ними. Струве приехал за границу для дальнейших переговоров в конце 1900 года и недвусмысленно дал понять, что недоволен новым

поворотом дел. Вполне естественно, что редакционное заявление убеждало его в том, что сотрудники «Искры» и «Зари» намерены использовать его в своих целях, при этом лишая его способности оказывать какое-либо влияние. Не удовлетворившись отведенной ему ролью, он выдвинул контрпредложения, направленные на усиление влияния и обретение большей самостоятельности в издательской деятельности\*. Разъяренный «самонадеянностью» Струве, Ленин назвал своего грозного недруга «Иудой». Открытие, что его обманули, лишь усиливало его реакцию. Прежде Ленина убеждали, что «легальный марксист» Струве, хоть и связан некоторым образом с ревизионизмом, на самом деле является истинным социалистом, который «идет к нам и желает сделать первые шаги». Теперь Струве «показал себя с совершенно новой стороны»... обнаружив, «какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под ...оболочкой самоновейшего „критика“»<sup>30</sup>. Ленин был вне себя от гнева, узнав, что не он один умеет играть. Социал-демократы не были одиноки в планах использования других; либералы, маскируясь под социалистов, также планировали использовать социал-демократов. Они намеревались протащить собственные материалы в марксистский орган и противиться задачам его социал-демократических издателей. Струве мог бы использовать следующий вариант знаменитой тактики Маркса: идти вместе с пролетариатом, пока он остается революционным в борьбе с самодержавием, в то же время, не позволяя ему осознать противоположность интересов класса буржуазии и его собственных.

Конечно, Плеханов и Аксельрод отвергли предложения Струве. Они были абсолютно готовы, еще с 1883 года, сотрудничать с либералами в борьбе с самодержавием, но при условии сохранения самостоятельности социал-демократов. Как энергично выразился Плеханов: «Иуде лучше прямо сказать, что хотели бы иметь дело с ним ИМЕННО как с представителем демократической ОППОЗИЦИИ, А НЕ КАК С СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОМ. Если бы он хотел работать с нами как социал-демократ, то мы отклонили бы это, так как ТЕПЕРЬ ПОКА... нам лучше разделить для более точного выяснения себе и другим наших разногласий. Это обидеть его не может. А раз он пой-

\* Изложение этого эпизода Струве (см.: Struve P. B. My Contacts and Conflicts with Lenin // Slavonic and East European Review, Vol. XIII P. 77—81). «Я решительно отказался, — пишет он, — стать... простым орудием в руках ортодоксальных социал-демократов».

мет это, то он и сам не будет лезть с „мы социал-демократы“; это „мы“ лежит у меня тяжелым камнем на сердце»<sup>21</sup>. Другими словами, сотрудничество было возможно только если оно не мешало развитию классового сознания пролетариата; оно требовало твердого и четкого проведения «размежевания». В свете этих дискуссий со Струве Ленин теперь полностью оценил требование Плеханова о пересмотре его проекта заявления редакции. Глубоко оскорбленный, он не довольствовался простой демаркацией границ, но пожелал порвать все отношения со Струве, и Плеханову и Аксельроду пришлось, в свою очередь, призывать его к умеренности. Вопреки возражениям Ленина, со Струве было заключено соглашение на предложенных ими условиях. Однако, вскоре после возвращения в Россию, Струве был арестован во время демонстрации; к тому времени, когда он, год спустя, оказался за границей, возможность такого сотрудничества, о котором ранее шла речь, была уже исключена.

Неуступчивость Ленина, как показало дальнейшее развитие событий, не была просто минутной реакцией на обиду. Этот эпизод выявил разногласия в оценке и тактическом подходе между ним и «Группой» относительно возможности сотрудничества с либералами; Ленин вновь склонялся к той в высшей степени враждебной позиции, которую занимал во время встречи с пионерами марксизма в 1895 году. Разногласия вновь проявились в середине 1901 года, когда Ленин предложил выступить с возражениями на единственную работу Струве, опубликованную под редакцией «Искры» и «Зари», — Предисловие Струве к секретной записке графа С. Ю. Витте, направленной царю по вопросу об отношениях между государством и земством.

Ленин поместил комментарий на заметки Струве<sup>22</sup> на фоне дискуссии об отношении либералов к революционерам и правительству в критические моменты после восшествия на престол Александра II. В его изображении либералы продемонстрировали собственную трусость и беспомощность. Не имея возможности добиться от правительства желанных свобод, они воспользовались той опасностью, какую представляли революционеры, чтобы потребовать удовлетворения своих, более скромных требований. Они неизменно предпочитали доверять доброй воле престола, чем безоговорочно объединяться с революционными силами. Правительство, сыграв на их простодушии, откупилось неясными обещаниями, а затем, безжалостно расправившись с революционерами, нарушило их. По мнению Ленина, прежние поколения либералов показали себя как «трусливые», «неразумные» и

«предательские», а современные либералы склоняются к той же порочной практике. Он не ждет от них ничего, кроме двуличия и предательства.

Плеханова и Аксельрода поразила недоброжелательность статьи Ленина<sup>23</sup>. Они тоже сдержанно относились к либералам и, конечно, предпочитали использовать их и, наоборот, не быть использованными. Но они, в отличие от Ленина, понимали, что открытая враждебность сделает либералов еще более осторожными и может тем скорее увести их от революционеров и заставит встать на сторону правительства. Нужны не обвинения и обличения, а социал-демократическая тактика поощрения более эффективного участия либералов в борьбе против самодержавия. Ленин, по-видимому, не в состоянии был провести грань между «размежеванием» и отталкиванием. Он так упорно занимался первым, что совершенно бессознательно умудрялся сделать и второе.

По настоянию Плеханова и Аксельрода, Ленин произвел значительные изменения в статье, хотя в опубликованном варианте, процитированном выше, все еще содержатся замечания, в высшей степени неприятные для либералов. Статья дышит возмущением Ленина при виде новых признаков надежды Струве использовать социал-демократов для выполнения собственных задач. Тон всей работы заставляет читателя испытать чувство полного изумления от чтения последних абзацев, очевидно, добавленных по настоянию Плеханова и Аксельрода. Только после того, как либералы были подвергнуты всевозможным поношениям, в статье появляется знакомый мотив тактики Группы «Освобождение Труда»: «Сумеют либералы организовать в нелегальную партию, — тем лучше... мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и социал-демократов взаимно пополняла друг друга. Не сумеют — мы и в этом (более вероятном) случае не „махнем рукой“ на либералов... Обмен услуг подобного рода между либералами и социал-демократами происходит и теперь, он должен быть только расширен и закреплён»<sup>24</sup>. Упорно следуя тактическим рецептам почти двадцатилетней давности, в заключительном анализе Ленин лишь частично уступил авторитету пионеров марксизма\*. После разрыва с ними, уже по иным причинам, через несколько лет перестала действовать и сдерживающая сила, которая могла помешать практическому объявлению войны ли-

\* Аксельрод упрекал его за упрямство (Ленинский сборник. Т. 3. С. 219).

бералам. Это стало основной чертой новой ленинской стратегии в 1905 году.

В 1901 году, когда «Искра» твердо встала на ноги, пришлось заняться вопросом об отношении к другим эмигрантским марксистским группам. «Искра» стремилась воспользоваться содействием социал-демократических групп, существовавших в разных городах Европы, но, в то же время, не предоставляла им права голоса при выработке политики. Это удавалось ей лучше, нежели прежде получалось у Группы «Освобождение Труда». Однако «Искра» вынуждена была учитывать настоячивые требования части эмигрантов о необходимости достигнуть соглашения между различными социал-демократическими группами за границей и, в особенности, между самой группой «Искры—Зари» и СРСД.

На встрече в июле 1901 года, на которой присутствовали представители от этих и ряда других организаций, такое соглашение было достигнуто. В выпущенном коммюнике выражалось общее осуждение бернштейнианства и «экономизма» и поддержка программы Группы «Освобождение Труда»<sup>25</sup>. «Союз», очевидно, пошел на попятную в связи с рядом событий за последние примерно полгода. Не менее важным стало решение «тройки» объединиться с пионерами марксизма, и в своих новых изданиях совместными усилиями выступить против «Рабочего дела». Нельзя не заметить также признаки того, что рабочие в России начинали переходить от сугубо экономических к политическим требованиям. В начале 1901 года, без подсказки со стороны политических агитаторов, рабочие стали присоединяться к студенческим демонстрациям против правительства. Даже самый закоренелый «экономист» вынужден был признать, что рабочие пробуждаются к политической сознательности. В марте Кричевский в «Рабочем деле» приветствовал это новое движение и призвал к организации активной политической кампании. Однако, когда в октябре собрался съезд для утверждения июльского соглашения, представители «Союза» стали осторожничать и захотели ввести «смягчающие» поправки. И тогда представители ортодоксального направления, придя в негодование, покинули съезд, и план слияния провалился. Спустя некоторое время произошло объединение групп, вставших на сторону «Искры»: Русская Революционная Организация «Социал-демократ» и редакция «Искры—Зари», совместно со своими сторонниками, образовали Заграничную Лигу Русской Революционной социал-демократии.

Процесс «размежевания» проходил быстро. Новая Лига в обращении, в редактировании которого участвовал Ленин, заявила, что ее члены должны оставаться «сектантами», чтобы отделиться от растущей армии революционеров-социалистов «только по названию». Создатели Лиги, присягая на верность духу партийной декларации 1898 года, утверждали, что проблемы РСДРП остаются теми же, как они были сформулированы почти два десятилетия назад Группой «Освобождение Трудя»<sup>26</sup>. Ленин, всего год назад выступавший за терпимость к различиям внутри социал-демократии, теперь показал себя самым ее ярким противником. Он был непримирим к тем, кого считал виновными в продолжении раскола теперь, когда единство так близко. Совершив такой же поворот в отношении Струве, теперь он превзошел Плеханова в непреклонности относительно РСДРП\*. Выводы, сделанные после года непосредственного общения в эмиграции с тем, что ему представлялось ревизионизмом (Струве) и «экономизмом» («Союз»), он изложил в последующие несколько месяцев в знаменитой работе «Что делать?».

На вопрос «Что делать?» он отвечал: «ликвидировать третий период» — эпоху «разброда», «дряблости», «шатания», которая для него связывалась с возникновением ревизионизма и «экономизма»<sup>27</sup>. Он повторял путь, пройденный прежде Плехановым, и доводы его гораздо ближе к доводам его предшественника, чем это принято считать. Кроме того, он открыто и горячо защищал Плеханова и Группу «Освобождение Трудя» от всяческой критики. Однако ленинская оценка содержала одно положение, которого не было в трудах Плеханова, что позволило ему сделать важные организационные выводы. Именно поэтому данная работа Ленина справедливо считается вехой не только в его собственном политическом развитии, но и в истории российской социал-демократии.

В самом начале своего марксистского пути Плеханов отвел интеллигенции жизненно важную роль в социалистическом движении. Особый характер поставленной перед ней задачи показывал убежденность Плеханова в том, что сам пролетариат не в состоянии прийти к социалистической сознательности. Даже при том, что условия труда при капитализме настраивали рабочих против системы, превращение по-

\* Плеханов в данном случае выступал против раскола (Мартов Ю. История российской социал-демократии. 3-е изд. М.; Пг., 1923. С. 55; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 337—340).

тенциальных социалистов в сознательных социалистов все же требовало участия интеллигенции. В своем анализе источников ревизионизма и «экономизма» Плеханов акцентировал внимание на неспособности интеллигенции, во всяком случае, определенных ее элементов, выполнить свой долг. Ленин также был готов бичевать интеллигенцию, но на этом он не остановился. Он настаивал на том, чтобы выставить на общее обозрение и даже подвергнуть презрению то, что Плеханов склонен был замалчивать или вовсе скрывать: ответственность самих рабочих. Не только нерешительность и пассивность интеллигенции, утверждал Ленин, но и оппортунизм рабочих виновны в подъеме ревизионизма и «экономизма».

Ленин довольно пренебрежительно отзывался о тех стихийных, независимых выступлениях, которых ждали от рабочего класса. Сам по себе пролетариат никогда не пойдет дальше тред-юнионистского сознания — того уровня, который вполне совместим с бесконечным существованием капитализма. Ориентированный подобным образом рабочий класс, даже распространяя свою деятельность на область политики, не представляет реальной угрозы капитализму. Он считал тред-юнионистское сознание симптомом приспособления к капитализму и утверждал, что тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса<sup>28</sup>. Ленин утверждал, что пролетариат сам по себе не способен ни на что, кроме оппортунизма. «Стихийности» рабочего класса с его злосчастными оппортунистическими наклонностями Ленин противопоставил «сознательность» интеллигенции. Интеллигенция должна следить за тем, чтобы движение не увязло в болоте оппортунизма. Если она пропитана революционной теорией социализма и верна ей (т. е. если она ортодоксальна), она сумеет проложить твердый курс к конечной цели.

При некотором различии в терминологии и более четком изложении предмета, в целом, позиция Ленина пока не очень отличалась от плехановской. Оба требовали более сильного и действенного социал-демократического руководства, и оба увязывали это требование с необходимостью уделять больше внимания изучению теории. Плеханов намеревался достичь этих целей посредством призывов, усиления бдительности и строгого отделения ортодоксальности от всех других радикальных тенденций — все эти меры относились исключительно к интеллигенции. Здесь Ленин проложил совершенно новые пути. Отделение ортодоксальной тенденции от всех других, по его мнению, было необходимо для успеха социалистического движения. Но Ленину стало

совершенно ясно, что сами рабочие, будучи подвержены оппортунизму, грозят разложить социалистическую партию, и он призывал принять решительные меры к борьбе против этой опасности. Ленин сделал самые крайние организационные выводы и призвал ортодоксальных социалистов решительно отмежеваться от рядового состава рабочего класса. Опасение, что волна пролетарского оппортунизма захлестнет организацию, привело его к требованию создать революционную партию на основах, чуждых концепции Маркса и практике марксистских партий Европы.

В качестве гарантии чистоты партии и неуклонного следования поставленным целям социалисты не должны быть, как сказано у Маркса, «...самой решительной ...частью рабочих партий [т. е. массовой — С. Б.] всех стран...»<sup>29</sup>, они должны сами составлять партию — маленькую, строго законспирированную и высоко дисциплинированную ассоциацию профессиональных революционеров. Несомненно, Ленин оправдывал свою организационную схему ссылкой на необходимость конспиративной организации для действенного противостояния царизму. Но также совершенно ясно, что ленинская концепция партии неотделима от других, более общих соображений, как, например, его разграничение «стихийности» и «сознательности». Требование принимать в партию только достигших высокого уровня теоретического понимания и самых идейно выдержанных революционеров. Пренебрежительно относясь к свободе критики, он заявлял, что она есть «свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов»<sup>30</sup>. В самых недвусмысленных выражениях и весьма характерно он утверждал, что в современном обществе могут существовать только две идеологии — буржуазная и социалистическая. Отсюда — *«малейшее отклонение от социалистической идеологии означает укрепление буржуазной идеологии»*. Поскольку, с его точки зрения, рабочие, в массе, идеологически примитивны, а потому восприимчивы к влиянию буржуазной идеологии, их следует исключать из партии.

<sup>29</sup> Так В. И. Ленин характеризовал «свободу критики», указывая на ее несовместимость со свободой (т. е. необходимостью) критического анализа любых явлений социальной жизни и общественных идей (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 9). — Прим. ред.

Но это не означает, что Ленин был равнодушен к массам пролетариев. Он по-прежнему считал, что для революции массы жизненно необходимы. Задача партии в отношении масс, по его мнению, состоит в том, чтобы: 1) поднять их до собственного уровня и вовлечь в ряды профессиональных революционеров самых способных рабочих; и 2) осуществлять идейное руководство массами за пределами партии. Стремясь поднять рабочих до собственного уровня, революционеры должны быть на страже, чтобы не «деградировать» до уровня рабочих масс<sup>31</sup>. При этом четко осознающая классовые задачи партия должна прилагать все усилия, чтобы помогать стихийному рабочему движению извне. «Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в САМОМ ШИРОКОМ числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно СМЕШИВАТЬ их с организацией РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, стирать грань между ними... для „обслуживания“ массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности... такие люди должны с терпением и упорством ВЫРАБАТЫВАТЬ из себя профессиональных революционеров»<sup>32</sup>. Впоследствии это стало характерным стилем работы коммунистических партий повсюду: отдельные их члены направлялись на работу в массовые организации и стремились обеспечить влияние партии на их политику. То был план, согласно которому тщательно отобранная элита, твердо удерживая власть в своих руках и организационно отделившись от масс, чтобы не допустить ослабления революционного боевого духа, «использует» массы для достижения собственных целей.

Плеханов публично выступил против «Что делать?» лишь через много лет, после раскола партии на Втором съезде 1903 года. Можно серьезно сомневаться в том, что столь поздно высказанные возражения ясно сложились в его уме, как утверждал Плеханов, уже во время выхода работы<sup>33</sup>. Он вполне мог испытывать определенные опасения раньше, но их явно значительно перевешивали другие соображения. Эта работа, в глазах Плеханова, обладала тем достоинством, что наносила мощный удар по его противникам — ревизионистам и «экономистам», которых он не оставлял в покое много лет. Он не мог так просто оспаривать труд, в котором содержалась горячая защита Группы «Освобождение Труда» и его лично, и явно перекликался с его собственными представлениями. Возможно, Ленин преувеличивал значение «сознательности», но эти разногласия касались лишь уровня ее, а не существа дела; к тому же, это преувеличение, высказанное в пылу

конфликта с опасным врагом правоверного социализма, было непримиримым. Во всяком случае, пока этот конфликт длился, было неразумным заострять внимание на разладе в собственных рядах. В эти годы Плеханов почти не ощущал опасности излишней твердости и непреклонности Ленина. Враг был справа, а не слева. В этих обстоятельствах Плеханов не уловил всего значения новых, относительно характера организации, идей Ленина; он не заметил, что Ленин и он, Плеханов, говорят на «разных языках», как однажды охарактеризовал Владимир Ильич отличие собственных взглядов от взглядов «экономистов». Кроме того, разногласия с Лениным по организационным вопросам могли казаться отвлеченными, поскольку партия тогда существовала лишь в названии.

Проблемы, затронутые в работе «Что делать?», со временем стали предметом бурных общественных дискуссий, в которых Плеханов и Ленин оказались по разные стороны баррикады. Однако в 1902 году не книга Ленина, а разработка программы партии послужила поводом к возобновлению закулисных военных действий между ними. Разговоры о необходимости составить проект программы партии начались летом 1901 года, когда стали поступать требования о созыве нового съезда партии. Ленин убедил Плеханова и Аксельрода разработать проект<sup>34</sup>, однако полгода спустя была представлена только работа Плеханова. Она не только не получила всеобщего одобрения, но положения, высказанные в ней, послужили толчком к внутреннему кризису, который грозил погасить «Искру» уже во второй раз.

Когда в январе 1902 года Плеханов представил свой проект программы на совещании редакторов, Ленин и Мартов высказали серьезные возражения. Плеханов, никогда не умевший принимать критику, был глубоко оскорблен реакцией. На предложение голосовать по каждой части проекта он ответил тем, что забрал его и в гневе удалился. После нескольких безуспешных попыток внести в него изменения, Ленин пришел к выводу об ошибочности всего замысла Плеханова и взялся за составление встречного проекта. Реакция на его программу была неоднозначной, но с самого начала Плеханов занял жесткую отрицательную позицию. Он был не из тех, кто легко прощает «афронт» и, как и во время прежнего столкновения с Лениным, вновь создал атмосферу угроз и ультиматумов. Он сообщил Аксельроду: «Если он [проект Ленина — С. Б.] будет принят, я вынужден буду заявить, что я все-таки считаю его неудовлетворительным. Выйдет что-то вроде но-

ного раскола»<sup>\*</sup>. Затем он представил исправленный вариант своего первого проекта заявив, что он «...как небо от земли разнится от проекта Фрея [В. И. Ленина]...»<sup>35</sup>. Ленин, очевидно, считал новый вариант не таким уж безупречным, поскольку подверг его новой сокрушительной критике. После новых маневров и взаимных обвинений Плеханов, наконец, настоял на своем. Чтобы избежать открытого разрыва, которого никто не желал, решено было принять его переработанный проект за основу и поручить разработку новой редакции согласительной комиссии, в составе которой не будет ни его, ни Ленина. Наконец компромиссный документ был составлен, который, как это бывает обычно, никого полностью не удовлетворил.

Разногласия, приведшие к такому серьезному кризису, очевидно, касались и формы, и содержания программы. Примечательно, что относящиеся к содержанию возражения возникли только, когда процесс составления программы шел полным ходом; и тогда, из-за нанесенных друг другу ран, чувства основных действующих лиц уже были достаточно подогреты. Плеханов дал волю раздражению, когда настаивал на признании негодным проекта Ленина и принятии своего собственного. Ленин же ответил сверхкритичным отношением к содержанию плехановского варианта. Засулич, пытавшаяся примирить их, была недалека от истины, обвиняя Ленина в «придирах»<sup>36</sup>. Вообще говоря, собственно «разногласия» между ними были скорее воображаемыми, нежели реальными, и в их основе лежали не фундаментальные противоречия, а личная неприязнь.

Характерно, что каждый обвинял противоположную сторону в неточной или неверной характеристике особенностей российского капитализма<sup>37</sup>. И они оба имели на это основания. Каждый посвятил большую часть общего раздела программы характеристике тех особенностей, которые Маркс связывал со зрелой стадией капиталистического развития государства, уже миновавшего свою наивысшую фазу<sup>38</sup>. Затем — поразительно кратко — они обращались к анализу развития особенностей российского капитализма, чтобы перейти ко второй части программы, касающейся конкретных требований. И последний раздел в обоих вариантах формулировал совершенно неожиданные цели, ибо оказывалось, что грядет не социалистическая революция,

\* У Плеханова цитируемый абзац начинается со слов: «Проекта Фрея... я НЕ МОГУ принять по теоретическим соображениям» (Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. С. 166). — Прим. ред.

как можно было предполагать, а свержение царизма и установление демократической республики. Оба проекта фактически были составлены из двух несоизмеримых частей, связанных между собой лишь парой кратких абзацев об особенностях общественно-экономического положения в России. Эти документы показали, прежде всего, неестественность функционирования социалистической партии в отсталой стране, действующей в соответствии с марксистскими положениями. Оба документа ставили задачу воспитания у рабочих социалистического сознания (принципиального неприятия капитализма), хотя программы нацеливали на подготовку демократической, а не социалистической революции.

Другое основное возражение Ленина по проекту Плеханова едва ли следует принимать серьезнее, чем первое, поскольку оно представляет собой наставление Плеханову по вопросу, на разработку которого тот и сам потратил немало чернил. Здесь речь идет о политической двойственности мелкой буржуазии и тех исключительных условиях, когда социал-демократы могут рассчитывать на ее поддержку в социалистической революции. Во время дебатов по программе, описываемых здесь, значительных разногласий этот вопрос не вызвал.

Основным источником конфликта по проекту программы было различие в стилях, которым каждый из них был написан. Ленин считал проект Плеханова как чрезмерно многословным, так и недостаточно четким и конкретным в формулировках. В этой оценке выразилось его более общее и важное мнение о том, что Плеханов создал документ слишком абстрактный и теоретизированный. Самое краткое его критическое замечание было, что «...это — не программа практически борющейся партии, а *Prinzipienerklärung*...» [изложение принципов — нем.]<sup>39</sup>. Ленин считал, что программа партии должна быть агитационным документом, обращенным к широкой аудитории, и в формулировках стремился достичь максимума простоты, прямоты и силы воздействия. Описание капитализма в программе Плеханова напоминает стиль учебника, а его описание рассчитано на то, чтобы вызвать у рабочего возмущение собственным бедственным положением и стремление к борьбе. Плеханов с возмущением отверг это замечание, но сравнение обоих проектов скорее подтверждает правоту Ленина.

В бытность народником Плеханов показал, что может быть энергичным, и успешно действовал как практик и агитатор. Длительное пребывание за границей отдалило его от деятельности такого рода и притупило ощущение ее потребностей. В изгнании сформировались

его философские интересы, все более определявшие его восприятие мира. Революционное движение он рассматривал не столько как дело людей, состоящих из плоти и крови, сколько в плане соответствия историческому процессу, диалектическому подходу и другим абстрактным категориям. Ленин никогда не представлял себе движение таким образом. Ему нравились слова Гете: «Теория, мой друг, сера, но зелено вечно древо жизни». Умелый организатор и агитатор, он естественно взял в свои руки каналы связи «Искры» с Россией; он вел обширную переписку с агентами «Искры», с живым интересом следил за изменением политической ориентации различных групп и составлял совершенно невероятно подробные инструкции о том, какими путями и способами можно обращать события на пользу «Искре». Ленин ценил практическую организационную работу и понимал, как она важна для обретения власти. В период деятельности «Искры» Плеханов, напротив, имел склонность игнорировать организационные вопросы, считая их скучными и уступающими по значимости теоретической работе. В те годы, когда Ленин старался создать основу организации и в ходе этого приобрел значительное число сторонников, Плеханов, с характерным для него упорством, посвящал себя теоретическим проблемам. В этом контрасте организатора-агитатора и ученого-философа, хотя отнюдь не абсолютном, можно найти некоторое объяснение исходу соперничества между ними впоследствии.

Как ни странно, действительно серьезное разногласие между Плехановым и Лениным возникло не по формулировкам проекта программы, а после того, как этот вопрос был уже решен. Новая и неожиданная дискуссия касалась статьи «Аграрная программа русской социал-демократии», представленной Лениным для опубликования в качестве комментария к аграрной части программы<sup>40</sup>. Поначалу он получил благоприятный отзыв редколлегия, но после прочтения ее Плехановым подвергся резкой критике с его стороны. Возникла вдвойне напряженная ситуация, поскольку кроме объективно существовавших спорных вопросов, новое столкновение было дополнительной ожесточенной схваткой в продолжавшейся личной войне Плеханова и Ленина. Все еще находясь под впечатлением злых нападок Ленина на его проект, Плеханов теперь нанес еще более сильный ответный удар. Его письменные замечания по рукописи Ленина были представлены в снисходительном, а то и прямо пренебрежительном тоне. Чем дальше, тем чаще и язвительнее становились его замечания; он буквально не пропускал ни одной строчки, без того, чтобы не внести стилистичес-

кие поправки, в большинстве, малозначительные. Усугубляя оскорбление, он просил поставить на голосование некоторые из своих предложений по стилистическим изменениям, что являлось беспрецедентной процедурой в редколлегии. Мартов почти не преувеличивал, заявляя, что Плеханов пользовался против Ленина фразами и методами, которые обычно прибегают для врагов<sup>41</sup>.

В середине мая рукопись вернулась к Ленину. Сначала он был раздражен высокомерными замечаниями, а потом, разгневанный постоянными придирками, невероятными требованиями, полным отсутствием понимания чувств автора, испещрил рукопись колкими выражениями, подчеркиваниями, двойными подчеркиваниями и восклицательными знаками. В одном месте, там, где Плеханов поставил под сомнение правомерность использования кавычек, Ленин написал: «Не очень уж трудно понять, что у каждого своя манера ставить кавычки? или автор замечаний и кавычки пожелает „ГОЛОСОВАТЬ“? Это на него похоже!»<sup>42</sup>. Закончив просматривать рукопись, Ленин тут же в бешенстве написал Плеханову записку, в которой выложил все свои чувства: «Получил статью с Вашими замечаниями. Хорошие у Вас понятия о такте в отношениях к коллегам по редакции! Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений, не говоря уже о „голосовании“ предложений, которых Вы не взяли труда и формулировать, и даже „голосовании“ насчет стиля. Хотел бы знать, что Вы скажете, когда я подобным образом ответил бы на Вашу статью о программе? Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, — то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения»<sup>43</sup>.

Отправил Ленин это письмо Плеханову или нет, не известно. Однако выраженные в нем чувства безошибочно указывали на возникновение еще одного кризиса, связанного с изданием «Искры—Зари». Мартов разделял убеждение Ленина в том, что поведение Плеханова невыносимо, и опасался нового раскола. Поэтому он попытался через Аксельрода и Засулич убедить Плеханова в серьезности положения и необходимости как-то его исправить<sup>44</sup>. Потресов требовал самого безжалостного давления, советуя Ленину: «„Vademesum'a“ Плех[анов] наверное не напишет, а если напишет — себя окончательно убьет в общественном мнении»<sup>45</sup>. На этот раз «тройка», а не Плеханов, настаивала на решительных действиях. В жажде отомстить Ленину он пере-

гнул палку. Его старые товарищи, при всей своей верности, не могли не согласиться с тем, что он перешел допустимые границы приличий. Сами они не могли поощрять еще один безгранично пагубный раскол, не могли принести будущее движения в жертву плехановской гордости.

В течение двух—трех недель Засулич и Аксельрод использовали все свое влияние, чтобы уговорить Плеханова. Их незавидная задача состояла в том, чтобы убедить надменного Плеханова покаяться и даже, если можно, попросить у Ленина прощения. То, что это им в конце концов удалось, свидетельствуют письма, приведенные ниже. Ни одно письмо не стоило Плеханову таких усилий, как это предложение мира Ленину. Начиная с совершенно нетипичной для него формы обращения «Любезный Владимир Ильич», он далее пишет: «В. И. [Засулич] передала мне то замечание, которое вы сделали по поводу одного места моей программной статьи... Но если Вы хотите как-нибудь изменить, а лучше сделать примечание, **ТО НАПИШИТЕ МНЕ ПРО-ЕКТ ПРИМЕЧАНИЯ**, и во второй корректуре оно будет вставлено...

Пользуюсь случаем сказать Вам, дорогой В. И., что Вы напрасно на меня обижаетесь. Обидеть Вас я не хотел. Мы оба несколько завалились в споре о программе, вот и все. Когда-нибудь, когда мы с Вами увидимся, мы поговорим об этом с глазу на глаз, **„ПО ДУШЕ“ (ЭТО ЗДЕСЬ ГЛАВНОЕ)** и тогда,— если Вы захотите быть беспристрастным,— Вы сами увидите, что у меня тоже были некоторые основания считать себя обиженным. А теперь отложим это частное дело в интересах другого, гораздо более важного, **ОБЩЕГО ДЕЛА**. Поверьте одному: я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75 % мы с вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам „коллектив“, на остальные 25 % есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя **ЕДИНОМЫСЛИЯ** следует позабыть о **РАЗНОГЛАСИИ**...

Поэтому, еще раз, не сердитесь на меня, а если хотите, чтобы я дал Вам какое-нибудь удовлетворение, напишите мне, я сделаю все, что могу, чтобы не раздражать товарища, который так полезен делу и которого я, поверьте этому, уважаю от всей души»<sup>46</sup>.

Ленин тепло отозвался на этот, как он, несомненно, понимал, чрезвычайно трудный для Плеханова шаг: «Дорогой Г. В. Большой камень свалился у меня с плеч, когда я получил Ваше письмо, положившее конец мыслям о „междоусобии“. Чем неизбежнее казалось нам это последнее, тем тяжелее были такие мысли, ибо партийные последствия были бы самые печальные»<sup>47</sup>. Чтобы продемонстрировать свое

благоразумие, Ленин согласился на те изменения, на которых еще настаивал Плеханов, но сам Плеханов до поры до времени воздержался от изложения отличных от ленинских взглядов на аграрную программу. Еще раз была заделана значительная брешь в рядах ортодоксальных руководителей. Тем не менее, личная неприязнь, как и разногласия по вопросам стратегии и тактики, которые нельзя было прикрывать бесконечно, копились. Дискуссия по аграрной части программы партии выявила одно из таких крупных разногласий.

То, что Ленин выбрал для разработки и защиты аграрный раздел партийной программы, немаловажно. Его собственный проект программы, с частыми ссылками на крестьян и их судьбу показывал, что он гораздо лучше, чем Плеханов, да и все другие его коллеги, понимал революционные возможности, заключенные в самом существе аграрного вопроса. В ряде прежних работ, особенно в книге «Развитие капитализма в России», он подчеркивал наличие рудиментов крепостного права, сохранившихся после его отмены. Именно он разработал программное требование, специально предназначенное для возбуждения крестьянства — возврат «отрезков». То были участки земли, жизненно необходимые в крестьянском хозяйстве, отнятые некоторыми дворянами-помещиками и присвоенные ими с тем, чтобы сохранить зависимость крестьян и после отмены крепостного права. Плеханов и другие редакторы ничего не имели против общей идеи возвращения «отрезков». Но условия их возврата, сформулированные в ленинской статье об аграрной программе, вызвали самые серьезные разногласия.

По другому вопросу — положениям статьи Ленина о национализации земли — разногласия носили более принципиальный характер. Рисуется, что Плеханов и другие члены редколлегии ничего не имели против такой национализации, проведенной в соответствующее время — в эпоху социалистической революции, когда национализация всех средств производства встанет на повестку дня. Но Ленин, ничтоже сумняшеся, предлагал осуществить национализацию земли в качестве возможного и уместного акта в эпоху революции против самодержавия\*. Он считал эту меру самым существенным, после возвращения «отрезков», шагом социал-демократической программы на первом этапе революции. Несомненно, он полагал, что такой лозунг поддер-

---

\* Ленинский сборник. Т. 3, С. 352—354. Фактически в ряде своих первых работ Плеханов также намекал на возможность поддержки социал-демократами национализации земли в период проведения демократической революции.

жит революционный пыл крестьянства, таким образом укрепит силы восстания и поможет им упрочить завоевания демократической революции. Ленинский план предусматривал национализацию не только государственной, церковной и помещичьей земли, но и всей земельной собственности в целом. Однако он считал, что уровень общественно-экономического развития России ограничивал возможности использовать эту собственность в качестве основы для социалистической организации производства. Поэтому земля должна быть передана на правах аренды частным лицам — крестьянам и другим желающим — на самых выгодных условиях.

Коллеги Ленина по редакции, привыкшие мыслить четкими историческими категориями, никак не могли понять его стремления осуществить национализацию земли во время революции, которая должна носить буржуазный характер. То, что он не предлагал ввести социалистическую организацию производства сельскохозяйственной продукции, на их взгляд, едва ли менял этот, в корне неверный, подход. Идея возвращения «отрезков» была понятна, ибо это требование символизировало необходимость ликвидации остатков феодализма в сельском хозяйстве. Плеханов пошел дальше и признал возможность того, что революционные силы вполне могут подтолкнуть экспроприацию крупных землевладений и их передачу, по низким ценам, сельскому населению<sup>48</sup>. Такие социал-революционные требования были вполне совместимы с буржуазно-демократической революцией. Они могли бы содействовать, как было во время Великой Французской революции, возникновению крупного класса свободных собственников. Но национализация земли, которая вполне может быть проведена социалистическими партиями более передовых стран Запада, так же несовместима с нынешними условиями в России, как требование немедленного перехода к социализму.

К этим доводам Ленин оставался глух. Только после того, как Плеханов принес свои извинения, он, как знак стремления к согласию, убрал раздражающие всех разделы. Однако позиция по аграрному вопросу в 1905 году и после него убедительно показывает, что он не изменил своего мнения. Здесь, как и по отношению к либералам, Ленин инициировал тактику, значительно отличающуюся от прежней тактики Группы «Освобождение Труда». Другие, во главе с Плехановым, могли не верить формуле, основанной на сомнительном положении о том, что требование национализации земли вызовет положительный отклик среди крестьянства. Разве крестьянство, отягощенное частно-

собственническими настроениями, не покинет революцию, которая провозглашает отмену частной собственности на землю? А как быть с городской буржуазией? Разве она не захочет отойти от революционного движения, объявляющего вне закона определенные формы частной собственности? Разве призыв к национализации земли не является лозунгом, способным скорее затормозить, нежели стимулировать буржуазно-демократическую революцию, которую сам Ленин выражал желание развивать дальше? С точки зрения критиков, преждевременное выдвигание требований, соответствующих характеру социалистической революции, может поставить под угрозу как буржуазно-демократическую, так и будущую социалистическую.

В этих эпизодах уже угадываются те черты мировоззрения Ленина, что проявились лишь со временем. Необыкновенно боевой дух заставлял его находиться в постоянном поиске перспективных путей и средств выхода революционной энергии. Плеханов и другие ведущие русские социал-демократы были глубоко преданы той же задаче, но сферой своей деятельности они считали пролетариат. Ленинская нацеленность на ускорение революционного процесса заставляла его расширять сферу поиска. Ленин поставил перед собой задачу выявить тот великий революционный потенциал, таившийся, по его мнению, в крестьянстве, и высвободить его для достижения целей социал-демократии. Ленинское требование национализации земли в ходе демократической революции казалось малоприспособленной тактикой для мобилизации крестьянства. Но если бы он и отбросил его, — если такое было возможно, — то лишь на приведенном прагматическом основании, а не в угоду доктринерским соображениям. Доводы коллег о том, что национализация неизменно связана с социалистической революцией, его не убеждали.

Революционной воле Ленина было тесно в рамках законосообразности, в которые облекли революционное движение пионеры русского марксизма. Уже в схеме революции, разработанной Плехановым, а впоследствии и в обоих проектах программ, присутствовали некоторые фундаментальные противоречия, создававшие определенную опасность для сохранения цельности схем. Когда к этому прибавились крайняя враждебность Ленина к либералам, его готовность призвать к национализации земли, столь же не соответствующие предполагаемому характеру первой революции, революционная программа российского марксизма не смогла устоять. Ленин, обосновав элементы новой революционной теории, почти неосознанно пытался вырваться

из тесных рамок плехановской двухступенчатой схемы революции. Нет нужды говорить, что его необычные идеи по вопросам организации партии явились дополнительным катализатором. Придет время, и Ленина уже нельзя будет удерживать, он отбросит теоретические пути и решительно двинется запрыгать бурю.

Своеобразная тактика Ленина по отношению к либералам и крестьянам явственно обозначится в горниле самой революции. Его же организационный план требовал более или менее немедленного воплощения, ибо должен был стать средством подготовки социал-демократической партии к грядущей битве и обеспечить ее эффективность в ходе революционного кризиса. В связи с этим, первое открытое столкновение по поводу того, что впоследствии получило название ленинизма, разразилось в 1903 году, на II съезде партии, созванном в целях объединения разрозненных кружков и создания организационной структуры партии. В центре схватки, приведшей к расколу РСДРП на большевиков и меньшевиков, лежали идеи, сформулированные в работе «Что делать?».